

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

Лейбниц Г.-В. Рассуждение о метафизике

1. Самое распространенное и самое содержательное понятие о Боге. какое мы только имеем, довольно хорошо выражено в следующих словах: Бог есть абсолютно Совершенное Существо. Но мы недостаточно учитываем те следствия, которые отсюда вытекают. Чтобы приблизиться к самой сути дела, не лишним будет заметить, что в природе существует много вполне различных совершенств, что Бог обладает всеми ими в совокупности и каждое из них в своей наивысшей степени принадлежит ему. Нужно знать также, что такое совершенство; вот довольно верный признак его: все формы или природы, которые не воспринимаются в их высшей степени, не суть совершенства, как, например, природа числа или фигуры. Ибо наибольшее число (или число всех чисел), как и наибольшая фигура, содержит в себе противоречие, в то время как наибольшее знание и всемогущество вовсе не заключают в себе невозможности; следовательно, могущество и знание суть совершенства. а поскольку они принадлежат Богу, они не имеют границ. Отсюда следует, что Бог, обладая высочайшей и бесконечной мудростью, действует наисовершеннейшим образом не только в метафизическом, но и в нравственном смысле и что по отношению к нам можно сказать, что, чем более мы будем познавать дела Бога, тем более будем склонны признавать их превосходными и полностью сообразными со всем, что только можно было бы пожелать.

2. Таким образом, я очень далек от мнения тех, кто полагает, что в природе вещей или в идеях, которые Бог имеет о них, совсем нет законов благости и совершенства и творения Бога хороши только по той формальной причине, что он их создал. Ибо если бы это было так, то Богу, знающему, что он их творец, оставалось бы только смотреть на них и находить, что они хороши, как об этом свидетельствует св. Писание. Но последнее, по-видимому. прибегло к подобной антропологии с целью показать нам,

что совершенство вещей познается, если рассматривать их сами по себе, даже тогда, когда мы не обращаем внимания на самое простое название, отсылающее к их причине. И это тем более верно, что ведь, только рассматривая произведения, можно обнаружить того. кто их создал, и, значит, произведения эти должны нести на себе его характер. Я должен признаться, что противоположное мнение кажется мне крайне опасным и очень близким к учению тех новаторов последнего времени, которые полагают, что красота вселенной и благость, какие мы приписываем деяниям Бога, суть лишь измышления людей, которые составляют представление о Боге по самим себе. Ведь говоря, что вещи хороши не по какому-либо закону благости, а только в силу одной воли Бога, мы, мне кажется, разрушаем, сами того не думая, любовь к Богу и всю его славу. Ибо зачем же превозносить его за то, что он сделал, когда он одинаково был бы достоин хвалы, если бы совершил прямо противоположное? Куда же денутся его справедливость и мудрость, если не останется ничего, кроме известной деспотической власти, если воля займет место разума (raison) и если, согласно определению тиранов, то. что понравится более могущественному, станет тем самым и справедливым? Не говоря уже о том, что всякая воля предполагает некоторое основание желания и что это основание, естественно, предшествует воле. Поэтому-то мне кажется очень странным и то мнение некоторых других философов, которые говорят, что вечные истины метафизики и геометрии, а следовательно, и законы благости, справедливости и совершенства суть лишь действия воли Божьей, тогда как мне кажется, что они суть следствия его разума (entendement), которое несколько не зависит от его воли, точно так же как и его сущность [1].

3 Я не могу также согласиться с мнениями некоторых новейших философов, которые смело уверяют, будто то, что сделал Бог. не обладает высшей степенью совершенства и что Бог мог бы действовать гораздо лучше. Мне кажется, следствия, вытекающие из такого мнения. полностью противоречат славе Божьей. Подобно тому, как менее дурное имеет в себе нечто хорошее, так и менее хорошее заключает в себе нечто дурное [2]. Таким образом, действовать с меньшим совершенством, чем можно было бы. - значит действовать несовершенным образом. Указывать художнику, что он мог бы что-то сделать лучше, -

значит осуждать его произведение. Это противоречит и ев Писанию, так как оно уверяет нас в благости творении Божьих ибо поскольку несовершенства идут по нисходящим ступеням до бесконечности, то каким бы Бог ни создал свое творение, оно всегда будет лучше менее совершенного, если такой степени совершенства достаточно; но ведь вещь вовсе не стоит похвалы, если она хороша только с этой точки зрения. Я думаю также, что можно найти бесконечное множество мест в св. Писании у св. Отцов, которые говорят в мою пользу, и ни одного – в пользу мнения новейших философов; да оно, насколько мне известно, незнакомо всей древности и основывается только на том, что мы слишком мало знаем всеобщую гармонию Вселенной и скрытые основания деятельности Бога, что и заставляет нас опрометчиво заключать, будто многие вещи можно было бы сделать лучше. Сверх того, эти новейшие философы настаивают на некоторых тонкостях, не особенно основательных. Они воображают, что нет чего-либо настолько совершенного, чтобы не было вещи еще более совершенной; однако это заблуждение. Они думают также дополнить этим и свободу Бога, словно наивысшая свобода не состоит в том, чтобы действовать совершеннейшим образом, согласно с высшим разумом (*souveraine raison*)! Думать, что Бог в чем-нибудь действует, не имея никакого основания (*raison*) для своей воли, не говоря уже о том, что последнее вряд ли возможно, – значит держаться мнения, мало согласного со славой Божьей. Предположим, например, что Бог выбирает между А и В; если он выберет А. не имея никакого основания предпочесть его В, то, по-моему, такое действие Бога по меньшей мере не заслуживает никакой похвалы, ибо всякая похвала должна иметь какое-либо основание, которое, по предположению, в данном случае не существует. Напротив, я утверждаю, что Бог ничего не делает такого, за что он не заслуживал бы прославления.

4. Общее познание той великой истины, что Бог постоянно действует самым совершенным и наиболее желательным образом, есть, по моему мнению, основание любви к Богу, которая составляет нашу преимущественную обязанность к нему. ибо тот, кто любит, ищет свое удовлетворение в счастье или совершенстве любимого предмета и его действий. Истинная дружба состоит в том, чтобы желать или не желать одного и того же. И я думаю, что трудно любить Бога, когда мы не склонны желать того

же. чего и он желает, если бы это было в нашей власти. Поистине люди, недовольные тем, что он делает, похожи, по-моему, на тех недовольных подданных, намерения которых мало чем отличаются от намерений бунтовщиков. Итак, я утверждаю в соответствии с этими принципами: чтобы действовать так, как того требует любовь к Богу. недостаточно обладать терпением, но нужно быть действительно удовлетворенным всем тем, что произошло с нами по его воле. Я говорю про такое согласие, имея в виду прошлое. Ибо, что касается будущего, нет нужды быть квиетистом и смешно, сложа руки, ожидать, что сделает Бог (по софизму, который древние называли *Хо-уої*; иеруос (ленивый разум)), а следует действовать сообразно предполагаемой воле Бога, насколько мы можем судить о ней, стараясь изо всех наших сил способствовать общему благу и, в частности, украшая и совершенствуя то, что касается нас самих, что близко нам и, так сказать, по нас. Ведь если даже какое-либо событие и покажет, может быть, что Бог в данное время не желал, чтобы наша добрая воля достигла своей цели, то из этого еще не следует, что он не желал, чтобы мы поступили так, как поступили. Напротив, как самый благой из всех мастеров, он всегда требует лишь честного намерения, и его дело – знать время и место для осуществления добрых замыслов.

5. Поэтому достаточно верить в Бога, в то, что он все делает к лучшему и что ничто не может повредить тем, кто любит его; знать же, в частности, те основания, которые смогли побудить его выбрать именно этот порядок универсума, допустить грехи, раздавать по своему усмотрению дары своей спасительной благодати, – все это превышает силы конечного духа, особенно когда он не дошел еще до лицезрения Бога. Тем не менее можно сделать несколько общих замечаний относительно способа действий провидения при управлении ходом вещей. Можно сказать, что тот, кто действует совершенным образом, похож на хорошего геометра, который умеет находить наилучшие решения какой-либо задачи; на хорошего архитектора, который наивыгоднейшим образом использует место и средства, предназначенные для постройки, не допуская ничего режущего глаз и не позволяя ничему быть лишенным той красоты, которую оно могло бы иметь; на хорошего хозяина, который так распоряжается своим имуществом, что у него ничего не остается невозделанным или бесплодным; на искусного механика, который

достигает своих целей наименее затруднительным, насколько это возможно, путем; на умелого автора, который включает наибольшее содержание в возможно наименьший объем. Но самые совершенные из всех существ, занимающие наименьшее пространство, т. е. наименее мешающие друг другу, – это духи (*les esprits*), совершенства которых заключаются в добродетелях. Поэтому не следует сомневаться в том, что блаженство духов составляет главную цель Бога и что он осуществляет его, насколько это допускает всеобщая гармония. Далее мы подробнее поговорим об этом. Что касается простоты путей Божьих, то она, собственно, относится к средствам, тогда как, наоборот, в целях или действиях наблюдается разнообразие, богатство и обилие. То и другое должно находиться в соответствии друг с другом, подобно тому как средства, предназначенные для постройки, должны соответствовать требуемой величине и красоте. Правда, Богу все доступно – и гораздо более, чем философу, создающему гипотезы, чтобы построить свой воображаемый мир, – так как Богу стоило только принять решение, как из него возник действительный мир; но если речь о мудрости – решения или гипотезы равносильны затратам, по мере того как они становятся все более независимыми друг от друга, ибо разум требует, чтобы мы избегали множественности в гипотезах или принципах, подобно тому как в астрономии всегда отдают предпочтение более простой системе.

6. Веления или действия Бога обыкновенно разделяются на обычные (*ordinaires*) и необычные (*extraordinaires*). Но следовало бы иметь в виду, что Бог ничего не делает вне порядка, и то, что считается необычным, бывает таковым лишь по отношению к какому-нибудь частному порядку, установленному в мире творений. Если взять всеобщий порядок – все бывает согласно с ним. И это до такой степени верно, что не только не бывает в мире ничего абсолютно неправильного, но даже ничего подобного нельзя себе и вообразить. Предположим, например, что кто-нибудь сделал бы на бумаге множество точек наугад вроде тех, кто занимается смешным искусством геомантики. Я утверждаю, что можно найти геометрическую линию, понятие о которой будет постоянным и единообразным соответственно некоторому правилу, и линия эта пройдет через все точки и в том же самом порядке, как их набросала рука. Если бы кто-нибудь начертил с ходу линию, которая была бы то прямою, то шла по окружности или еще

как-нибудь, всегда можно было бы найти понятие, или правило, или уравнение, общее всем точкам этой линии, в соответствии с которым должны произойти отмеченные изменения в направлении. Нет, например, ни одного лица. контур которого не составлял бы части геометрической линии и не мог бы быть начерчен сразу же одним правильным движением. Но когда правило слишком сложно, тогда то, что соответствует ему, считается неправильным. Таким образом, можно сказать, что, как бы Бог ни сотворил мир, последний всегда был бы закономерным и соответствовал бы некоторому общему порядку. Но Бог выбрал самый совершенный мир, т. е. такой, который в одно и то же время проще всех по замыслу (*en hypotheses*) и богаче всех явлениями, наподобие такой геометрической линии, которая вместе с простотой построения отличается весьма значительными и важными свойствами и большой протяженностью. Я пользуюсь этими сравнениями, чтобы изобразить некое несовершенное подобие мудрости Божьей и указать на то, что могло бы возвысить наш дух хотя бы до некоторого понимания того, что нельзя выразить в достаточной мере. Однако я вовсе не претендую на то, чтобы объяснить этим великую тайну, от которой зависит весь универсум.

7. Так как не может быть ничего, что не отвечало бы некоторому порядку, то можно сказать, что и чудеса точно так же входят в порядок вещей, как и естественные действия, которые называются так потому, что они соответствуют некоторым второстепенным правилам, которые мы называем природой вещей [3]. Природа эта – если можно так выразиться – есть не что иное, как некая привычка Бога (*coustume de Dieu*), от которой он может отступить по какому-либо основанию более значительному. чем то, которое побудило его руководствоваться этими максимами. Что касается общих или частных волеи Бога, то, смотря по тому, как мы взглянем на дело, можно сказать, что Бог все делает сообразно самой общей своей воле, согласной с тем совершеннейшим порядком, который он избрал; но можно сказать также, что у него есть частные веления, которые составляют исключения из вышеупомянутых второстепенных правил, ибо самый общий из всех законов Бога. управляющий всем ходом универсума, не допускает исключений. Можно сказать также,

что Бог хочет всего того, что составляет предмет его частного воления; но что касается предметов его общей воли – какими

являются те действия других творений, и особенно разумных, которым Богу угодно содействовать, – здесь нужно проводить некоторые различия. Ибо если действие хорошо само по себе, то можно сказать, что Бог желает его и повелевает им, даже когда оно не осуществляется. Но если это действие само по себе дурно и становится хорошим | только случайно, вследствие того, что ход вещей, и в частности наказание и удовлетворение, исправляет его плохие свойства и с лихвою вознаграждает за зло, про истекающее из него, так что в конце концов в общем оказывается совершенства более, чем в том случае, если бы зло это вовсе не произошло, то тогда следует сказать, что Бог допускает это зло, но не хочет его, хотя и содействует ему как в силу законов природы, которые он сам установил, так и потому, что он может извлечь из него большее благо.

8. Довольно трудно отличить действия Бога от действий сотворенных вещей, ибо есть люди, которые думают, что действует во всем Бог; другие воображают, что Бог только сохраняет силу, данную им творениям; далее видно будет, в какой мере справедливо то и другое. А так как действовать и испытывать действие – свойство собственно индивидуальных субстанций (*actiones sunt suppositoruna*), то необходимо объяснить, что такое эта субстанция. Совершенно справедливо, что когда несколько предикатов приписываются одному и тому же субъекту, а этот субъект не приписывается никакому другому, то его можно назвать индивидуальной субстанцией; но этого недостаточно, и такое объяснение только словесное. Поэтому нужно рассмотреть, что значит быть подлинно приписанным какому либо субъекту. Не подлежит сомнению, что всякое действительное свойство предикативности имеет некоторое основание в природе вещей и когда предложение не бывает тождественным, т. е. когда предикат не включается прямо в субъект, то он должен включаться в него потенциально, а это есть то, что философы называют *in esse*, говоря, что предикат находится в субъекте. Таким образом, термин <субъект> всегда включает в себя термин <предикат>, так что тот, кто мог бы в совершенстве овладеть понятием какого-либо субъекта, мог бы также сделать вывод о том, что последнему принадлежит какой-то предикат. Следовательно, мы можем сказать, что природа индивидуальной субстанции или целостного существа (*estre complet*) состоит в том, чтобы иметь настолько полное и законченное понятие, что

его было бы достаточно, чтобы понять и вывести все предикаты того субъекта, которому оно принадлежит. Акциденция же есть такое событие, понятие которого вовсе не заключает в себе всего того, что можно приписать субъекту, которому мы придаем это понятие. Так, свойство царя, принадлежащее Александру Великому, будучи взято отдельно от субъекта, не обладает достаточной индивидуальной определенностью и не включает в себя ни других качеств того же самого субъекта, ни того, что содержит в себе понятие названного государя; тогда как Бог, представляя индивидуальное понятие, или *haecceitatem* Александра, видит в нем в то же время основание и причину всех предикатов, которые действительно могут быть высказаны об Александре (например, что он победил Дария и Пору). и мог бы даже узнать априори (а не путем опыта), естественною ли смертью умрет он или от отравы. что мы можем знать только из истории. Точно так же, если хорошенько вникнуть в связь вещей, можно будет сказать, что в душе Александра во всякое время сохраняются следы того, что случается с ним, и даже того, что происходит в универсуме, хотя только один Бог в состоянии распознать их.

9. Отсюда вытекает несколько весьма значительных парадоксов и. между прочим, следующие. Две субстанции не могут быть совершенно сходны друг с другом и различаться только нумерически, и то, что св. Фома утверждает в этом отношении об ангелах, или разумных духах, что здесь всякий индивидуум есть низший вид, справедливо для всех субстанций, если только понимать видовое различие в том смысле, как его понимают геометры по отношению к своим фигурам. Далее, субстанция может возникнуть только путем творения и погибнуть только путем уничтожения; нельзя разделить одну субстанцию на две или из двух сделать одну, и, следовательно, число субстанций не может ни увеличиться, ни уменьшиться естественным путем, хотя они часто подвергаются превращениям. Кроме того, каждая субстанция есть как бы целый мир и зеркало Бога или всего универсума, который каждая субстанция выражает по-своему, так же как один и тот же город смотрится по-разному в зависимости от различных положений наблюдателя. Таким образом,

универсум, так сказать, умножается во столько раз, сколько существует субстанций, и слава Бога увеличивается от такого количества совершенно различных воспроизведений его

творений. Можно сказать даже, что всякая субстанция некоторым образом несет в себе свойство бесконечной мудрости и всемогущества Божьего и по мере способности подражает ему. Ибо она выражает, хотя и смутно, все, что происходит в универсуме, – его прошлое, настоящее и будущее, а это несколько похоже на бесконечное восприятие или знание; так как и все другие субстанции в свою очередь выражают первую субстанцию и согласуются с ней, то можно сказать, что она простирает свое могущество на все другие, подражая всемогуществу Творца

10. По-видимому, древние ученые [4], а также и многие другие привыкшие к глубоким размышлениям, несколько веков тому назад преподававшие богословие и философию (некоторые из коих достойны уважения за свою святую жизнь), обладали каким-то познанием того, о чем мы только что говорили, и это побудило их ввести и отстаивать субстанциальные формы, которые теперь пользуются такой дурной славой. И эти люди вовсе не так далеки от истины и совсем не так смешны, как воображают самые заурядные из наших новейших философов. Я совершенно согласен, что изучение этих форм несколько не поможет нам в частностях физики и что ими не следует пользоваться для объяснения отдельных явлений. В этом и состоит ошибка наших схоластиков, а вместе с ними и врачей прошлого времени [5]. которые думали, что объясняют свойства тел, ссылаясь на формы и качества и несколько не трудясь исследовать самый способ их действия; подобно тому как если бы кто-нибудь удовольствовался тем, что приписал бы часам часопоказательную силу, происходящую от их формы, не объясняя, в чем же она состоит, этого было бы достаточно разве только для того, кто покупает часы, да и то лишь если он предоставит заботу о них кому-нибудь другому. Но указанная ошибка и злоупотребление формами не должны заставлять нас отвергать вещь, познание которой настолько необходимо в метафизике, что без него, по моему мнению, нельзя ни понять как следует первых начал, ни возвысить дух до познания невещественных натур и чудес Божьих. Тем не менее, как геометру нет нужды затруднять себя знаменитым запутанным вопросом о структуре непрерывности (*de la composition du continu*) и как философу-моралисту и еще менее юриконсульту или политику нет нужды биться с большими трудностями в примирении свободы воли и

Божественного провидения, так как геометр может привести к концу все свои доказательства, а политик – завершить все свои размышления, не касаясь вышеуказанных дискуссий (которые, весьма важны и необходимы в философии и богословии); так и физик может объяснить свои опыты либо посредством уже сделанных более простых опытов, либо путем геометрических и механических доказательств, не нуждаясь в общих теориях, относящихся совсем к другой области. Если же он будет прибегать к привходящему содействию Бога или к какой-нибудь душе, архею и т. п. в этом роде, то он точно так же наговорит кучу нелепостей, как и тот, кто при обсуждении какого-нибудь важного практического вопроса пустится в длинные рассуждения о сущности предопределения и нашей свободы; действительно, люди довольно часто незаметно для самих себя совершают такую ошибку, смущая свой ум размышлениями о роке и иногда даже отказываясь при этом от правильного решения или необходимой здесь тщательности.

11. Я знаю, что высказываю парадокс, предполагая в известном смысле восстановить права древней философии и вернуть назад почти изгнанные субстанциальные формы. Но может быть, меня не осудят опрометчиво, когда узнают, что я довольно много размышлял над новой философией, провел много времени над физическими опытами и геометрическими доказательствами, что я долго был убежден в пустоте этих существ и наконец против моей воли и, так сказать, насильно был принужден снова признать их, убедившись из собственных исследований. что наши новые философы недостаточно справедливы к св. Фоме и другим великим людям того времени, что во многих схоластических мнениях философов и богословов гораздо более основательности, чем обычно думают, надо лишь кстати и уместно пользоваться ими. Я даже убежден, что если бы какой-нибудь точный и способный к размышлениям ум взял на себя труд разъяснить и разобрать их мысли наподобие геометрии аналитиков, то он нашел бы в них целую сокровищницу весьма важных и вполне доступных доказательству истин.

12. Но возвратимся к ходу наших рассуждений. Я думаю, что, кто поразмыслит над природою субстанций, которую я объяснил выше. тот найдет, что сущность тела не состоит только в протяженности, т. е. в величине, фигуре и движении, но что в нем необходимо признать нечто

имеющее сходство с душами и называемое обыкновенно субстанциальной формой, хотя оно и не производит никаких изменений в явлениях, так же как и душа животных, если только последние имеют ее. Можно даже доказать, что понятие величины, фигуры и движения вовсе не так отчетливо, как воображают, и что оно включает в себя нечто мнимое и относящееся к нашим восприятиям, хотя и не в такой степени, как цвет, теплота и тому подобные качества, в которых можно усомниться, действительно ли они существуют в природе вещей вне нас, почему качества этого рода и не могут составить никакой субстанции. И если в телах нет какого либо начала тождества, вроде того, о котором мы сейчас говорили, то тело не может просуществовать долее одного момента. Однако души и субстанциальные формы других тел значительно отличаются от разумных душ (*les ames intelligentes*), которые одни сознают свои действия и не только не уничтожаются естественным путем, но всегда сохраняют и основу своего самосознания, что и делает их способными принимать награды и наказания. Благодаря этому они становятся гражданами вселенского государства. где Бог – единовластитель; отсюда следует, что все остальные творения должны служить им, о чем поговорим в скором времени подробнее.

13. Но прежде чем идти далее, попытаемся разрешить одно значительное затруднение, которое может возникнуть по поводу начал, только что нами положенных. Мы сказали, что понятие индивидуальной субстанции раз навсегда заключает в себе все, что может когда-либо произойти с ней, и что, рассматривая это понятие, можно увидеть в нем все, что можно будет справедливо высказать о ней, подобно тому как в природе круга мы можем усмотреть все свойства, которые можно вывести из нее. Но по-видимому, этим будет уничтожено различие между случайными и необходимыми истинами, свободе человеческой уже не останется никакого места, и над всеми нашими действиями, как и над всеми остальными событиями в мире, будет царить абсолютная фатальность. На это я отвечу, что нужно различать то, что достоверно, от того, что необходимо: все согласны, что будущие случайные события произойдут наверное, так как Бог предвидит их. но вследствие этого они не признаются еще необходимыми. Но, возразят мне, если какое-нибудь заключение может быть безошибочно выведено из определения или понятия,

то ведь оно будет необходимым; между тем мы утверждаем, что все, что должно произойти с каким-либо лицом в возможности, уже заключается в его природе или понятии, как свойства круга заключаются в его определении, значит, затруднение остается во всей своей силе. Чтобы основательно разрешить его, я скажу, что связь, или последовательность, бывает двух родов: одна – абсолютно необходима, и противоположное ей заключает в себе противоречие; такая связь бывает в вечных истинах, каковы геометрические истины. Связь второго рода необходима лишь по предположению и, так сказать, косвенно (*par accident*); в себе же самой она случайна, ибо противоположное ей не заключает в себе противоречия. Последнего рода связь основывается не на одних чистых идеях и на простом разумении Бога, но зависит и от его свободных решений, и от хода универсума (*la suite de l'univers*).

Возьмем следующий пример. Так как Юлий Цезарь будет постоянным диктатором и верховным главою государства и низвергнет свободу римлян, то действие это заключается в его понятии; ибо мы предполагаем, что только природе совершенного понятия какого-либо субъекта свойственно обнимать все так, чтобы предикат заключался в нем. Можно было бы, конечно, сказать, что Цезарь должен совершить такое-то действие не в силу такого-то понятия или идеи, так как последняя принадлежит ему только потому, что Бог знает все. Но против этого будут утверждать, что его природа или форма соответствует этому понятию, и так как Бог придал ему такую личность, то ему уже необходимо соответствовать ей. На это я мог бы ответить ссылкой на будущие случайные события: ведь все они реальны не иначе как только в разумении и воле Бога, а так как Бог дал им здесь заранее такую-то форму, то им все-таки придется соответствовать ей. Но я предпочитаю разрешать затруднения, чем извинять их ссылкой на другие подобные затруднения, и

то, что я скажу, быть может, разъяснит как то, так и другое. Вот тут-то и нужно применить различие двух родов связей. Я и говорю, что если какое-нибудь событие происходит согласно таким-то предшествовавшим, то в нем можно быть вполне уверенным, но оно не необходимо, и если бы кто-нибудь сделал нечто противоположное ему, то это само по себе нисколько не было бы невозможно, хотя (по предположению) и невозможно, чтобы оно произошло. Ибо если бы кто-нибудь был в состоянии дать полное доказательство связи

==

между субъектом, Цезарем, и его предикатом, счастливым понятием, то он действительно показал бы, что программа Цезаря имеет свое основание в его воле, что в ней заключается причина, по которой он перешел Рубикон, а не остановился но выиграл, а не проиграл битву при Фарсале, что все Уо было согласно с разумом и, следовательно, наверное должно было произойти; но он не мог бы показать, что это необходимо само по себе и что противоположное этому заключает в себе противоречие, – подобно тому как Se согласно с разумом и вполне достоверно что Бог всегда будет делать наилучшее, – хотя то, что менее совершенно, вовсе не заключает в себе противоречия. Ибо как убедиться, что подобное доказательство принадлежности Цезарю такого-то предиката вовсе не так абсолютно достоверно, как доказательства арифметические или геометрические. но предполагает известный порядок вещей, очевидно выбранный Богом и основанный на изначально свободном решении Бога, состоящем в том, чтобы всегда делать наиболее совершенное, и на решении, которое Бог принял (в силу первого решения) по отношению к природе человека, а именно чтобы человек постоянно, хотя и свободно, совершал то, что представляется ему наилучшим Но всякая истина, которая основывается на такого рода решениях, случайна, хотя и достоверна; ибо эти решения нисколько не меняют самой возможности вещей, и (как я уже сказал) хотя Бог, наверное, выбирает всегда наилучшее, но это нисколько не препятствует тому, чтобы и менее совершенное было и оставалось возможным само по себе, хотя оно и никогда не произойдет, так как Бог отвечает" но не в силу его невозможности, а лишь по его несовершенству; но ничто, про--и\0-"064\03, можно не заключает в себе необходимости. Итак, мы в \^ниибуде\ удовлетворительно разрешить. Все трудности такого рода, как бы велики они ни казались (а они нисколько не менее угрожают всем АРУ\0\6\ этого вопроса), как только примем в \БР\^4Т8\ случайные предложения имеют основания быть таковыми, а не иными, или (что то же) они априори имеют доказательства своей истины, которые делают их достоверными и показывают, что связь субъекта и предиката этих предложений вытекает из природы того и другого; но у них нет доказательств их необходимости, так как вышеуказанные их основания покоятся лишь на принципе случайности или

действительности вещей, т е на том, что представляется наилучшим среди многих вещей, одинаково возможных, тогда как необходимые истины основываются на принципе противоречия и на возможности или невозможности самих сущностей, без отношения к свободной воле Бои или творений.

14. Познав в некоторой степени, в чем состоит природа субстанции, постараемся объяснить, что означает зависимость одних от других, и их воздействия друг на друга Во первых, совершенно очевидно, что сотворенные субстанции зависят от Бога, который сохраняет их и даже непрерывно производит путем некоторого рода эманаций, подобно тому как мы производим наши мысли [6]. В самом деле, поскольку Бог вертит, так сказать, во все стороны и на все лады общей системой явлений, которые он считает за благо произвести, чтобы проявить свою славу, и рассматривает все стороны мира всеми возможными способами, ибо нет ни одного отношения, которое укрылось бы от его всевидения, то результатом каждого устремленного с известной стороны взгляда на универсум является субстанция. выражающая мир сообразно этому взгляду, если Бог признает за благо осуществить свою мысль и произвести эту субстанцию А так как взгляд Бога всегда истинен, то и наши восприятия тоже истинны, и только наши суждения – от нас, и вот они то обманывают нас. Как мы говорили выше. и это вытекает также из только что сказанного, каждая субстанция есть в некотором роде особый мир, независимый от всего другого, кроме Бога; таким образом, все наши явления, т. е. все, что когда-нибудь может произойти с нами, суть только следствия нашего существа, и так как эти явления сохраняют известный порядок, сообразный нашей природе, или, так сказать, тому миру, который в нас заключается, – порядок, который позволяет нам делать полезные для руководства нашим поведением наблюдения, оправдываемые последующими событиями, благодаря чему мы можем безошибочно судить о будущем по

прошедшему, то уже и этого было бы достаточно для того, чтобы сказать, что эти явления истинны, не беспокоясь о том, существуют ли они вне нас и воспринимают ли их также и другие. Тем не менее совершенно верно, что восприятия или выражения всех субстанций взаимно соответствуют друг другу, так что каждый, внимательно следуя известным основаниям или законам, которые он подметил, сходится с другим, кто

поступает точно таким же образом, подобно тому как несколько лиц, сговорившись сойтись в каком-нибудь месте в заранее определенный день, могут действительно исполнить это. Если пожелают Однако, хотя все они выражают одни и те же явления, из этого еще не следует, что их выражения совершенно сходны, достаточно, чтобы они были ответственны друг другу, подобно тому как несколько зрителей думают, что видят одну и ту же вещь, и действительно вполне понимают друг друга, хотя каждый видит и судит со своей точки зрения Только один Бог, из которого непрерывно исходят все индивидуумы и который видит универсум не только так, как они его видят, но еще и совсем иначе, есть причина такого соответствия между их явлениями, и только он один делает так. что свойственное каждому отдельному индивидууму становится общим им всем. иначе между ними не было бы никакой связи. Таким образом, можно будет сказать в некотором вполне удовлетворительном, хотя и необычном смысле, что одна отдельная субстанция никогда не действует на другую отдельную субстанцию и не испытывает от нее страдания, если мы обратим внимание, что все, что происходит с каждой субстанцией, есть лишь следствие одной ее идеи или полного понятия, так как эта идея заключает уже в себе все предикаты ее и все, что может с ней произойти, и выражает весь универсум И действительно, все, что бывает с нами, происходит от наших мыслей и восприятия, и все наши будущие мысли и восприятия суть только следствия, хотя и случайные, наших прошлых мыслей и восприятия, так что, если бы я был в состоянии отчетливо рассмотреть все, что происходит со мною или представляется мне в настоящую минуту, я мог бы увидеть в этом все, что произойдет со мною или будет мне представляться во всякое другое время, и это будущее не преминуло бы произойти со мною, даже если бы все вне меня было уничтожено, лишь бы остались только Бог и я. Но так как мы приписываем то, что воспринимаем известным образом, Другим вещам как действующим на нас причинам, то нужно исследовать, на чем основывается такое мнение и что в нем есть истинного

15. Не входя сейчас в длинные рассуждения, достаточно будет заметить для согласования метафизического языка с практикой, что мы по преимуществу и с полным основанием приписываем себе те явления, которые мы выражаем более совершенным образом, а другим субстан-

циям приписываем то, что каждая выражает наилучшим образом. Следовательно, субстанция, имеющая бес конечный объем, поскольку она выражает все, бывает ограниченной в зависимости от более или менее совершенного способа своего выражения. Вот таким образом и можно представить себе, что субстанции взаимно мешают одна другой или ограничивают друг друга, в этом смысле они действуют одна на другую и принуждены, так сказать, приспособляться друг к другу. Ибо может случиться, что какое-либо изменение, увеличивающее выражение одной субстанции, уменьшает выражение другой. Но достоинство (*vertu*) отдельной субстанции состоит в том, чтобы хорошо выражать славу Божию, и в этом заключается меньшая степень ее ограниченности А всякая вещь, когда она проявляет свое достоинство или силу (*puissance*), т. е. когда она действует, изменяется к лучшему и простирается (поскольку действует); таким образом, когда происходит какое-нибудь изменение, касающееся нескольких субстанций (а в действительности всякое изменение затрагивает все субстанции), то, я думаю, можно сказать, что та субстанция, которая непосредственно вследствие этого переходит к большей степени совершенства или к более совершенному выражению, проявляет свою силу и действует; та же, которая переходит к меньшей степени совершенства, обнаруживает свою слабость и страдает. Точно так же я утверждаю, что всякое действие субстанции, имеющей восприятие, заключает в себе некоторое удовольствие, а всякое страдание – некоторую боль, и наоборот. Тем не менее легко может случиться, что какое-нибудь преимущество настоящего времени может быть разрушено большим последующим злом; откуда следует, что можно грешить, действуя или проявляя свою силу и находя в этом удовольствие.

16. Теперь остается только объяснить, каким образом возможно для Бога оказывать

иногда влияние на людей или на другие субстанции посредством необычайного и чудесного содействия: ведь, по-видимому, с ними ничего не может случиться необычного или сверхъестественного, так как все, что с ними происходит, есть лишь следствие их природы. Но здесь следует вспомнить, что мы говорили о чудесах, которые всегда соответствуют универсальному закону общего порядка, хотя они и выше

=

точно так же, что данное необычное воздействие Бога на известную субстанцию не перестает быть чудесным, хотя оно и включается в общий порядок мира, поскольку он выражается в сущности или индивидуальном понятии этой субстанции. Поэтому, если мы понимаем в нашей природе все, что она выражает, то ничто не бывает для нее сверхъестественным, так как она простирается на все, ибо действие всегда выражает свою причину, а Бог есть истинная причина всех субстанций. Но так как то, что наша природа выражает более совершенно, принадлежит ей в особенности, ибо в этом заключается ее мощь, и так как она ограничена (как я сейчас объяснил), то есть много вещей, которые превышают силы нашей природы и даже всех ограниченных существ. Вследствие этого, чтобы выразиться яснее, я скажу, что чудеса и необычные содействия Бога имеют то свойство, что их не может предвидеть никакое рассуждение сотворенного ума, как бы ни был он озарен светом познания, ибо отчетливое понимание общего порядка превосходит силы всех сотворенных умов; то же, что называется естественным, зависит от правил менее общих, которые доступны пониманию сотворенных существ. Чтобы слова были так же безупречны, как их смысл, хорошо было бы связывать истинные понятия с известными способами выражения. Таким образом, нашей сущностью можно было бы назвать то, что обнимает собою все, что мы выражаем, и так как она выражает и наше соединение с Богом, то она не имеет границ и ничто ее не превышает. А то, что ограничено в нас, может быть названо нашей природой или нашей мощью, и в этом отношении все, что превышает природу всех сотворенных субстанций, сверхъестественно.

17. Я уже несколько раз упоминал о подчиненных правилах, или законах природы; я думаю, будет не лишним дать пример их. Все наши новые философы пользуются известным правилом, что Бог всегда сохраняет в мире одно и то же количество движения. И действительно, оно весьма удовлетворительно с первого взгляда, и в прежнее время я считал его несомненным; но теперь я узнал, в чем заключается его ошибочность [7]. Дело в том, что Декарт и многие другие хорошие математики полагали, будто количество движения, т. е. скорость, помноженная на величину движущегося тела, полностью соответствует силе движения, или – говоря геометрическим языком – силы относятся как произведения тел на их скорости. Но

вполне разумно, чтобы в мире всегда сохранялась одна и та же сила; с другой стороны, если обратить внимание на явления, легко заметить, что постоянно механического движения не бывает, ибо в этом случае сила какой либо машины, которая постоянно несколько уменьшается от трения и должна была бы в скором времени исчезнуть, восстанавливается и, следовательно, увеличивается сама собою, без всякого нового внешнего воздействия; точно так же замечено, что сила какого-нибудь тела уменьшается лишь по мере того, как оно отдает ее каким-либо смежным телам или своим собственным частям, поскольку последние имеют свое собственное движение. Отсюда они и заключили ли, что то, что можно сказать о силе, можно также сказать и о количестве движения. Чтобы показать разницу между тем и другим, я предполагаю, что тело, падающее с известной высоты, приобретает силу достаточную, чтобы подняться на такую же высоту, если таково будет его направление и если не встретится каких-либо препятствий; например, маятник поднялся бы совершенно на такую же высоту, с которой он опустился, если бы сопротивление воздуха и другие небольшие препятствия не уменьшали приобретенную им силу. Я предполагаю также, что для того, чтобы поднять тело А в один фунт на высоту CD, равную 4 туазам, нужно столько же силы, как и поднять тело В в 4 фунта на высоту EF в один туаз. Все это допускают наши новые философы. Очевидно, что тело А, упав с высоты CD, приобрело ровно столько силы, сколько тело В, упавшее с высоты EF; ибо тело [В], придя в Р и имея силу, чтобы подняться до Е (по первому предположению), имеет, следовательно, силу поднять тело в 4 фунта, т. е. собственное тело, на высоту EF в один туаз; точно так же тело [А], придя в D и имея здесь силу, чтобы подняться до С, имеет силу поднять тело в один фунт. т. е. собственное тело, на высоту CD в 4 туаза. Значит (по второму предположению), силы этих двух тел равны. Посмотрим теперь, одинаково ли в том и другом случае количество движения; и тут, к нашему удивлению, мы найдем громадную разницу. Ибо Галилей доказал, что скорость, приобретенная падением с высоты CD, вдвое более скорости, приобретенной падением с EF, хотя высота в

первом случае больше вчетверо. И вот если мы помножим тело А, равное 1, на его скорость, равную 2, то произведение, или количество движения, будет равно 2; если же помножить тело В, равное 4, на его скорость, равную 1, то

произведение, или количество движения, будет равно 4; таким образом, количество движения тела [А] в точке D вдвое менее количества движения тела [В] в точке F, а между тем силы их равны; значит, есть большая разница между количеством движения и силой, что и требовалось доказать Отсюда видно, что силу нужно измерять количеством действия, которое она может произвести, например высотой, на которую может быть поднято тело известной величины и рода; а это весьма отлично от скорости, которую можно дать ему, и чтобы дать ему двойную скорость, нужно больше, чем двойная сила. Нет ничего проще этого доказательства, и Декарт впал здесь в заблуждение только потому, что слишком доверял своим мыслям даже тогда, когда они не были еще достаточно зрелы Но я удивляюсь, как затем его последователи не заметили этой ошибки; и я боюсь, как бы они не начали постепенно подражать некоторым перипатетикам, над которыми они смеются, и, подобно последним, не привыкли бы обращаться скорее к книгам своего учителя, чем к разуму и природе.

18 Это заключение об отличии силы от количества движения имеет довольно важное значение не только в физике и механике, где оно указывает путь к открытию истинных законов природы и правил движения и дает возможность исправить даже кое-какие ошибки в практических приложениях, вкравшиеся в сочинения некоторых искусных математиков, но и в метафизике – для лучшего понимания ее принципов Ибо движение, если рассматривать в нем только то, что оно точно и формально заключает в себе (т. е. перемену места), не есть вещь вполне реальная, и когда несколько тел меняют свое относительное положение, то из одних этих изменений нет никакой возможности определить, какому из них следует приписать движение и какому покой (я легко мог бы показать это геометрически, если бы желал остановиться на этом в настоящую минуту) Сила же, или ближайшая причина этих изменений, есть нечто гораздо более реальное, и существует достаточно оснований приписывать ее именно такому телу, а не другому; и, следовательно, только этим путем и можно узнать, какому из них прежде всего принадлежит движение Эта сила есть нечто отличное от величины, фигуры и движения, откуда можно вывести, что понятие тела состоит не в одном только протяжении и его видоизменениях, как думают новые философы. Таким образом, мы

еще раз принуждены восстановить некоторые существа или формы, которые они изгнали. И хотя все частные явления природы могут быть объяснены математически и механически теми, кто этого хочет, тем не менее очевидно, что общие принципы телесной природы и самой механики носят скорее метафизический, чем геометрический характер и коренятся скорее в известных неделимых формах и натурах как причинах явлений, чем в телесной или протяженной массе. Это размышление может примирить новейшую механическую философию с теми рассудительными и благонамеренными особами, которые не без основания опасаются, как бы люди в ущерб вере не удалились слишком от бестелесных существ.

19. Так как я не люблю дурно судить о людях, то я не обвиняю наших новых философов за то, что они хотят изгнать конечные причины из физики, но я тем не менее вынужден заявить, что следствия такого мнения мне кажутся опасными, особенно если соединить его с учением, опровергнутым мною в начале настоящего трактата, которое доходит до полного их устранения, – как будто бы Бог, совершая действие, не имел в виду никакой цели и никакого блага или как будто бы благо не было предметом его воли. Я, напротив, утверждаю, что здесь-то и нужно искать принцип всех существовании и законов природы, ибо Бог всегда ставит себе целью наилучшее и наиболее совершенное. Я охотно признаю, что мы легко можем обмануться при определении целей или планов Бога; но это бывает лишь тогда, когда мы хотим ограничить их каким-нибудь частным намерением, полагая, что он имел в виду только одну какую-нибудь вещь, тогда как он в одно и то же время взирает на все. Например, когда мы думаем, что Бог сделал мир только для нас, то это большое заблуждение, хотя совершенно истинно, что Бог весь мир сделал для нас и нет ничего в универсуме, что не касалось бы нас и не приспособлялось бы к тому вниманию, какое Бог оказывает нам (согласно изложенным выше принципам). Так, когда мы видим какое-либо хорошее действие или совершенство, происходящее или вытекающее из творений Бога, мы можем неверно сказать, что Бог имел его целью, ибо Бог ничего не делает наобум и не похож на нас, которым часто не удается сделать благо. Потому-то мы не только не ошибаемся в этом отношении –

как те завзятые политики, которые предполагают слишком много утонченности в намерениях государей, или как комментаторы,

которые ищут слишком много учености у своего автора, – но, напротив, сколько бы соображений мы ни приписывали бесконечной мудрости, их никогда не будет слишком много, и нет ни одного предмета, в котором было бы менее опасности впасть в ошибку, лишь бы мы только оставались в пределах утверждений и избегали отрицательных предложений, ограничивающих пути господни. Все, кто видит удивительное строение животных, принуждены бываю г признать мудрость Творца вещей, и я советую тем людям, у которых есть хоть какое-либо чувство благочестия и, по жалуй, понимание настоящей философии, избегать выражений тех мнимых умников, которые говорят, что они видят только потому, что случайно у них есть глаза, а не то, чтобы глаза были сделаны для того, чтобы видеть. Когда люди серьезно так думают, сводя все к необходимости материи или какой либо случайности (хотя и то и другое должно казаться смешным тем, кто понял то, что мы объяснили выше), тогда, конечно, трудно будет признать разумного творца природы. Ибо действие должно соответствовать своей причине, и оно лучше всего познается из по знания причины; поэтому было бы неразумным ввести высший разум (*intelligence souverain*), управляющий вещами, а затем пользоваться для объяснения явлений одними свойствами материи, вместо того чтобы прибегать для этого к его мудрости. Это совершенно похоже на то, как если бы историк, объясняя какое-либо завоевание, которое совершил великий государь, взявши некоторое важное укрепление, стал бы говорить, что это произошло потому, что крупинки пороха, будучи свободными в момент соприкосновения с искрой, вырвались со скоростью, способной вырвать тяжелое и твердое тело в стены укрепления, в то время как волокна маленьких телец, из которых состоит пушечная медь, были так крепко перепутаны, что не разъединились от этой скорости, вместо того, чтобы показать, как предусмотрительность завоевателя позволила ему выбрать подходящее время и средства и как могущество его преодолело все препятствия.

20. Это напоминает мне прекрасную речь Сократа в <Федоне> Платона, которая в этом пункте удивительно сходится с моими мнениями и как будто специально на нисана против наших новых философов, слишком склонных к материальному. Это и внушило мне желание перевести ее, хотя она несколько длинна; быть может, этот отрывок даст кому-нибудь повод сообщить нам много

других прекрасных и глубоких мыслей, встречающихся в сочинениях этого знаменитого писателя [8].

21. Так как мудрость Бога, обнаруживающаяся в механическом строении некоторых тел, всегда всеми признавалась, то следует показать, как она проявляется в общей экономии мира и в самом строе законов природы. Это настолько верно, что и в общих законах движения можно заметить присутствие этой мудрости. Если бы в телах не было ничего, кроме протяженной массы, а в движении – ничего, кроме перемены места, и если бы все должно было выводиться и могло быть выведено из одних этих определений с геометрической необходимостью, то отсюда вытекало бы (как я показал в другом месте), что меньшее тело при встрече с большим, находящимся в покое, могло бы сообщить ему ту же самую скорость, какой оно само обладает, нисколько не теряя своей собственной; пришлось бы допустить много и других подобных этому правил, совершенно противных образованию какой бы то ни было системы; но о последнем позаботилась мудрость Божия своим решением сохранить навсегда одно и то же количество силы и одно и то же направление. Я даже думаю, что многие действия природы могут быть доказаны двояким путем, именно исходя из действующей причины и затем отправляясь от конечной причины; например, исходя из решения Бога производить свое действие наиболее просто ми и наиболее определенными способами (как я показал в другом месте, объясняя правила катоптрики и диоптрики, и как я покажу подробнее сейчас) [9].

22. Это замечание полезно сделать для примирения тех, кто надеется механически объяснить образование первой ткани животного и всего механизма его частей, с теми, кто объясняет это самое строение конечными причинами. То и другое хорошо, то и другое может быть полезным не только для того, чтобы внушить удивление перед искусством великого работника (*grand ouvrier*), но и для того, чтобы сделать некоторые полезные открытия в физике и медицине и тем авторам, которые идут этими различны ми путями, не следовало бы враждовать друг с другом. Я вижу,

как люди, которые стремятся объяснить красоту божественной анатомии, смеются над теми, которые воображают, будто движение некоторых жидкостей, кажущееся совершенно случайным, смогло произвести столь чудное разнообразие частей, и смотрят на них как на безумцев и нечестивцев; последние в свою очередь смотрят

на первых как на простаков и суеверов, подобных тем древним, которые считали безбожниками физиков, когда те утверждали, что не Юпитер производит гром, а какая-то материя, находящаяся в облаках. Было бы лучше соединить ту и другую точку зрения, ибо – если мне позволено будет употребить низкое сравнение – я при знаю и восхваляю искусство мастера, не только указывая, какие цели он имел, делая те или другие части своей машины, но и объясняя, какие инструменты он употреблял, чтобы сделать каждую вещь, особенно если эти инструменты просты и остроумно придуманы. А Бог настолько искусный работник, что может произвести машину в тысячу раз остроумнее той, какую представляет наше тело. при помощи лишь нескольких довольно простых жидкостей, нарочно устроенных так, что не нужно ничего, кроме обыкновенных законов природы, чтобы произвести из них столь изумительное действие, но, с другой стороны, справедливо также и то, что этого никогда бы не было, если бы творцом природы не был Бог. Тем не менее я полагаю, что щть действующих причин – в действительности более глубокий и в некотором роде более непосредственный и априорный – бывает зато довольно трудным, когда дело доходит до подробностей, и я думаю, что наши философы в большинстве случаев еще довольно далеки от него. Путь же конечных причин легче, но он часто не позволяет отгадывать важные и полезные истины, которых было бы слишком долго искать на другом, более подходящем к физике пути; важные примеры тому может представить анатомия. Я полагаю также, что Снеллиусу, открывшему законы преломления, пришлось бы слишком долго идти к этому открытию, если бы он желал сначала узнать, как образуется свет. Но он, по-видимому, следовал методу, которым пользовались древние для катоптрики и который в действительности идет путем конечных причин. Ибо древние, отыскивая направление, по которому лучу света было бы всего легче пройти от одной точки к другой посредством отражения от данной плоскости (предполагая, что в этом состояла цель природы), открыли равенство углов падения и отражения, как это видно из одного небольшого сочинения Гелиодора Ларисского и у других авторов А Снеллиус – я так думаю – и после него (хотя и ничего не зная о нем) Ферма применили это еще более остроумно к преломлению. Ибо если лучи сохраняют в одних и тех же средах одно и то же отношение синусов,

которое одинаково с отношением сопротивления сред, то оказывается, что это самый легкий или по крайней мере самый определенный путь. чтобы перейти от данной точки в одной среде к данной точке в другой. Доказательство, которое желал дать этой теореме Декарт путем действующих причин, далеко не так хорошо, как вышеприведенное; по крайней мере есть некоторое основание подозревать, что Декарт никогда не нашел бы его своим путем, если бы он ничего не узнал в Голландии об открытии Снеллиуса '°.

23. Я счел не лишним остановиться несколько на этих размышлениях о конечных причинах, о бестелесных натурах и о разумной причине (*causa intelligente*) в их отношении к телам и показать их употребление даже в физике и математике, чтобы, с одной стороны, очистить механическую философию от тех обвинений в невежестве, которые на нее возводят, и, с другой, возвысить умы наших философов, устремить их от материальных размышлений к более возвышенным. Теперь пора вернуться от тел к бестелесным природам, и в частности к духам, и сказать несколько слов о том, каким способом Бог просвещает их и воздействует на них; ибо не следует сомневаться, что и здесь точно так же есть определенные естественные законы, о чем я мог бы поговорить более пространно. Достаточно будет затронуть вопрос об идеях, рассмотреть, действительно ли мы все вещи видим в Боге, и исследовать, в каком смысле Бог есть наш светоч (*lumière*). Здесь не лишним будет заметить, что неправильное употребление понятия идей дало повод ко многим заблуждениям. Ибо когда кто-нибудь рассуждает о какой-либо вещи, он воображает, что имеет идею этой вещи, и на этом основании некоторые древние и новые философы строили известное доказательство бытия Божия, весьма несовершенное. Они говорят: я необходимо имею идею Бога или совершенного существа, потому что я мыслю о нем, а мыслить нельзя без идеи; идея же этого существа заключает в себе все совершенства; одно из этих совершенств – существование; следовательно, Бог

существует. Но так как мы часто думаем о невозможных химерах, например о сверхскорости, о наибольшем числе, о пересечении конхоиды с основанием или направляющей, то вышеприведенное рассуждение недостаточно. В этом смысле можно сказать, что существуют истинные и ложные идеи, смотря по тому, возможна или нет та вещь, о которой идет речь. И лишь тогда можно похвастаться, что имеешь идею вещи, когда

уверен в ее возможности. Поэтому вышеприведенный аргумент доказывает по меньшей мере, что Бог с необходимостью существует, если он возможен. Действительно, величайшее преимущество Божеской природы – нуждаться лишь в своей возможности или сущности, чтобы действительно существовать, и в этом-то и состоит то, что называют существом самим по себе (*Ens a se*).

24. Чтобы лучше понять природу идей, нужно коснуться разнообразия наших познаний. Если я могу выделить одну вещь среди других, не будучи в состоянии сказать, в чем состоят ее отличительные свойства, или особенности, тогда познание бывает смутным (*confuse*). Так, иногда мы ясно (*clairement*), т. е. нисколько не сомневаясь, судим, хороши или дурны такое-то поэтическое произведение или картина, только потому, что в них есть что-то такое, чего мы не знаем, но оно либо нравится нам, либо неприятно. Если же я могу объяснить признаки, которые я наблюдаю, познание называется отчетливым (*distincte*). Таково, например, знание пробирщика, который отличает настоящее золото от поддельного с помощью известных проб или признаков, составляющих определение золота. Но отчетливое познание имеет степени, ибо обыкновенно понятия, входящие в определение, сами нуждаются в определении и известны только смутным образом. Когда же все, что входит в определение или отчетливое знание, познано отчетливо, вплоть до первичных понятий, то такое знание я называю адекватным. А когда мой ум сразу и отчетливо понимает все первичные составные части какого-нибудь понятия, то он имеет познание интуитивное (*intuitive*), что бывает весьма редко, так как большинство человеческих познаний бывает смутно или предположительно (*suppositive*). Следует также отличать номинальные и реальные определения. Я называю определение номинальным (*nominate*), когда еще можно сомневаться, возможно ли определяемое понятие; так, например, когда я говорю, что бесконечный винт есть телесная линия, части которой конгруэнтны, или могут вступать одна на место другой, то тот, кто не знает из других источников, что такое бесконечный винт, может сомневаться, возможна ли такая линия, хотя в действительности это есть взаимное свойство бесконечного винта, ибо другие линии, части которых конгруэнтны (а таких только две – окружность и прямая), суть плоские линии, т. е. могут быть построены на плоскости. Отсюда

очевидно, что всякое взаимное свойство может послужить номинальному определению; но когда какое-нибудь свойство показывает возможность вещи, тогда оно составляет реальное определение. Когда мы обладаем одним номинальным определением, мы не можем быть уверены в тех следствиях, которые выводим из него, ибо если бы оно скрывало в себе противоречие или невозможность, то мы могли бы вывести из него противоречивые заключения. Вот поэтому-то истины не зависят от имен и не произвольны, как думали некоторые новые философы [11]. Сверх того, существует еще довольно большое различие между отдельными видами реальных определений; ибо когда возможность вещи доказывается только опытом – как, например, в определении ртути, возможность которой мы знаем только потому, что нам известно существующее в действительности тело, которое представляет в высшей степени тяжелую и тем не менее довольно летучую жидкость, – то определение бывает только реальным и больше ничем; но когда доказательство возможности совершается априори, определение бывает реальным и причинным, как в тех случаях, когда оно заключает в себе способ возможного произведения вещи. Когда же анализ вещи простирается в нем вплоть до первичных понятий, не предполагая ничего, что нуждалось бы в доказательстве априори своей возможности, тогда определение бывает совершенным или сущностным (*essentielle*).

25. Но очевидно, что у нас не бывает никакой идеи о понятии, если последнее невозможно. Когда познание бывает только предположительным, то, если мы и имеем идею, мы не созерцаем ее, ибо подобное понятие познается только таким же способом, как и понятия, заключающие в себе скрыто невозможность; если же оно возможно, то узнать это мы можем вовсе не этим способом. Например, когда я думаю о тысяче или тысячеугольнике, я часто вовсе не созерцаю их идей (как и тогда, когда я говорю, что тысяча есть 100, взятое 10 раз), нисколько не думая о том,

что такое 10 и 100, ибо предполагаю, что знаю это, и не считаю нужным в данную минуту останавливаться над тем, чтобы ясно себе это представить. Таким образом, легко может случиться – в действительности довольно часто и бывает. – что я ошибаюсь по отношению к понятию, которое, как я предполагаю или думаю, я понимаю, между тем как в действительности оно невозможно или по крайней мере несовместимо с другими понятиями, с которыми я его

соединяю; а ошибаюсь я или нет – предположительный способ представления остается все равно одним и тем же. Значит, только тогда, когда наше познание бывает ясным (при смутных понятиях) или интуитивным (при отчетливых), лишь тогда мы созерцаем полную идею.

26. Чтобы хорошенько понять, что такое идея, нужно предупредить одну двусмысленность. Дело в том, что многие принимают идею за форму или различие наших мыслей и в этом смысле в нашем духе идея бывает лишь постольку, поскольку мы о ней думаем, и всякий раз, когда мы думаем о ней снова, мы имеем об одной и той же вещи различные, хотя и похожие на предшествующие идеи. Другие же, по-видимому, считают идею за непосредственный предмет мысли или за некую постоянную и пребывающую форму, которая сохраняется и тогда, когда мы о ней не думаем [12]. И действительно, душа наша всегда имеет в себе свойство представлять себе какую бы то ни было натуру или форму, когда является повод думать о ней. По моему мнению, это свойство нашей души, поскольку она выражает какую-нибудь натуру, форму или сущность, и есть собственно идея вещи, заключающаяся в нас, и притом всегда, думаем мы о ней или нет. Ибо душа наша выражает Бога и универсум, равно как и все сущности и все существования. Это вполне согласно с моими принципами, ибо ничто не входит естественным путем в наш дух извне, и лишь по дурной привычке мы думаем, будто душа наша принимает в себя нечто вроде образов, извещающих ее о предмете, как если бы она имела двери и окна. Все эти формы мы имеем в своем духе, и притом во всякое время. Ибо дух наш всегда выражает все свои будущие мысли и уже мыслит смутно, о чем он когда-либо будет думать отчетливо. И мы ничего не можем узнать, о чем мы не имели бы в духе нашей идею, которая есть как бы материя, из которой образуется эта мысль. Платон превосходно заметил это, как видно из его учения о припоминании, которое имеет в себе много основательного, если только правильно понять его. Очистить от ложного учения о предсуществовании и не воображать, что душа и прежде знала и думала отчетливо то, что она отчетливо знает и думает теперь. Платон подтвердил свое мнение прекрасным опытом, изобразивши мальчика, которого он незаметно ведет к весьма трудным геометрическим истинам о несоизмеримых величинах, не сообщая ему никакого готового учения, а только предлагая вопросы в должном

порядке [13]. Это показывает, что душа наша уже знает все это потенциально (*virtuellement*), ей нужно лишь обратить внимание, чтобы познать эти истины, а следовательно, душа наша уже имеет по крайней мере те идеи, от которых зависят эти истины. Можно сказать даже, что она уже обладает и самими этими истинами, если смотреть на них как на отношения между идеями.

27. Аристотель предпочитал сравнивать нашу душу с пустыми еще дощечками, где оставлено место для писания, и утверждал, что в нашем разуме нет ничего, что не происходило бы из чувств; это более всего совпадает с ходячими взглядами. И это в духе Аристотеля, тогда как Платон идет гораздо глубже. Впрочем, подобного рода мнения и выражения могут быть допущены для обычного употребления приблизительно вроде того. как люди, следующие Копернику, все-таки говорят, что Солнце восходит и заходит. Я даже думаю, что таким выражениям часто можно придать хороший смысл, при котором в них не будет заключаться ничего ложного, подобно тому как я уже заметил, в каком смысле можно с полной справедливостью сказать, что отдельные субстанции действуют друг на друга. Точно в таком же смысле можно сказать, что мы получаем знания извне при посредстве чувств, так как некоторые вещи содержат в себе или более своеобразно выражают те основания, которые ведут нашу душу к известным мыслям. Но если речь идет о точности метафизических истин, то весьма важно признать весь объем и всю независимость нашей души, которая простирается бесконечно далее, чем думают обыкновенные люди. хотя в обычной житейской практике душе приписывают лишь то, что мы создаем более ясно и что принадлежит нам в особенности, ибо в данном случае нет нужды заходить глубже. Тем не менее во избежание недоразумений было бы полезно найти подходящие термины для того и

другого смысла. Так, те выражения (expressions), которые существуют в нашей душе независимо от того, представляем мы их или нет, можно было бы назвать идеями; те же, которые мы представляем или образуем, – понятиями (conceptus). Но в каком бы смысле мы ни говорили, всегда будет ложным утверждать, будто все наши понятия происходят из так называемых внешних чувств, ибо то понятие, которое я имею о себе и о своих мыслях, а следовательно, и понятия о бытии, субстанции, действии, тождестве и многие другие происходят из опыта внутреннего [14].

28. В строго метафизическом смысле, кроме одного Бога, не существует внешней причины, которая действовала бы на нас, и лишь Он один непосредственно общается с нами в силу нашей постоянной зависимости от него. Отсюда следует, что нет никакого внешнего предмета, который касался бы нашей души и непосредственно возбуждал наше восприятие. И мы имеем в нашей душе идеи всех вещей только в силу непрерывного действия на нас Бога, т. е. вследствие того, что всякое действие выражает свою причину, и поэтому сущность души нашей есть некоторое выражение, подражание или отображение сущности, мысли и воли Божьих и всех идей, которые в них заключаются. Значит, можно сказать, что один Бог есть непосредственный объект наш вне нас и что мы видим все вещи через него; например, когда мы видим Солнце и звезды, то это Бог дал нам и сохраняет в нас их идеи и определяет нас к действительному мышлению о них посредством своего обычного содействия в то самое время, когда наши чувства расположены известным образом согласно установленным Им законам. Бог есть солнце и свет всех душ, свет, просвещающий каждого человека, приходящего в мир. И мнение это появилось не со вчерашнего дня. После св. Писания и Отцов церкви, которые всегда были более склонны к Платону, чем к Аристотелю, мне приходилось, помню я, несколько раз замечать, что во времена схоластиков многие думали, что Бог есть свет души, по их выражению, действующий интеллект разумной души (*intellectus agens animae rationalis*). Аверроисты сделали дурное употребление из этого выражения, но другие, среди которых, кажется, находится Гийом де Сент-Амур, и некоторые богословы-мистики поняли его в смысле, достойном Бога, и способным возвысить душу к познанию ее блага.

29. Однако я не могу согласиться с мнением некоторых философов, которые, по-видимому, утверждают, что сами наши идеи находятся в Боге, а вовсе не в нас [15]. Это, по моему убеждению, происходит оттого, что они не обратили еще достаточного внимания ни на то, что мы объяснили здесь о субстанциях, ни на объем и независимость нашей души, в силу которой она заключает в себе все, что в ней происходит, и выражает Бога, а вместе с ним все возможные и действительные существа, как действия и выражают свою причину. Совершенно немисливо также, чтобы я мог думать идеями другого. Необходимо также,

чтобы душа действительно находилась в известного рода определенных состояниях, когда она думает о какой-нибудь вещи; и значит, она заранее должна иметь в себе не только пассивную способность находиться в этих состояниях, которая полностью уже определена, но еще и активную способность, в силу которой в ее природе всегда находятся признаки будущего произведения этой мысли и предрасположенность произвести ее в свое время. А все это уже заключает в себе идею. понятию этой мыслью.

30. Что касается воздействия Бога на человеческую волю. то здесь существует довольно много сложных суждений, которые было бы слишком долго разбирать. Впрочем, в общем вот что можно сказать об этом: Бог в своем обычном содействии нашим действиям только следует законам, им самим установленным, т. е. сохраняет и непрерывно производит наше бытие, так что мысли приходят к нам самопроизвольно или свободно в том порядке, как это вытекает из понятия нашей индивидуальной субстанции, в котором их можно было бы предвидеть от вечности. Сверх того, в силу принятого Им решения – чтобы воля всегда стремилась к видимому благу, выражая волю Божью или подражая ей, в некоторых частных сторонах, по отношению к которым это видимое благо всегда имеет в себе нечто истинное, – Он определяет нашу волю к выбору того, что представляется наилучшим, не принуждая ее однако. Ибо, строго говоря, она находится в состоянии безразличия, поскольку его противоположают необходимости, и имеет возможность поступать иначе или совершенно воздержаться от действия, причем и то и другое возможно и остается таковым. Таким образом, от души вполне зависит предохранить себя от видимостей случайного воздействия благодаря твердому решению все обдумывать и в некоторых обстоятельствах поступать и судить не иначе как после тщательного и зрелого размышления. Правда, однако (и даже от вечности

достоверно), что та или другая душа не воспользуется этой способностью при тех или других обстоятельствах. Но кто же в этом виноват и на кого ей жаловаться, кроме самой себя? Ведь все эти жалобы после свершившегося факта несправедливы, раз они были бы несправедливы и до него. Спрашивается, что было этой душе, несколько времени перед тем как ей согрешить, жаловаться на Бога, как будто бы он определял ее к греху? Так как в этих делах определениями Бога является то, что предвидеть нельзя, то откуда же может душа узнать, что

она определена к греху, кроме самого факта действительного совершения греха? Ведь дело только в том, чтобы не хотеть, и Бог не может предложить более выполнимого и более справедливого условия, так и все судьи не ищут оснований, которые побудили человека иметь злую волю. а останавливаются только на рассмотрении того, в какой мере зла эта воля. Но быть может, от вечности определено, что я согрешу? Это уже ваше дело; может быть, а может, и нет; и, не думая о том, чего вы не можете знать и что не может вам дать никакого указания, поступайте согласно вашему долгу, который вы знаете. Но. скажет другой, какая тому причина, что этот человек, наверное, совершит этот грех? Ответ простой ведь в противном случае он не был бы этим человеком. Бог от века видит, что объявится некий Иуда. в понятии или идее Бога о котором заключается такое будущее свободное действие. Остается только тот вопрос, почему такой-то Иуда-предатель, который в идее Бога только возможен, существует в действительности. Но на этот вопрос здесь, на земле, нельзя и ожидать ответа, кроме разве того, что вообще надо полагать, что раз Бог признал за благо, чтобы Иуда существовал, невзирая на грех, который Он предвидел, то, значит, зло это с избытком вознаградится во вселенной. Бог извлечет из него большее благо, и в итоге этот ряд вещей, в котором заключается существование этого грешника, окажется совершеннейшим из всех других возможных рядов. Но объяснить удивительную экономию этого выбора мы все таки не в состоянии, пока мы только странники на земном пути; достаточно знать это, не постигая Тут то и следует признать бесконечную глубину и богатство премудрости Божьей, не доискиваясь каждой подробности, которая заключала бы в себе бесконечные вариации Тем не менее отсюда совершенно ясно видно, что Бог не есть причина зла. Ибо не только после потери людьми невинности первородный грех овладел душою, но и ранее этого всем творениям была по природе их присуща некоторая ограниченность, или исконное несовершенство, которое делает их греховными или способными к греху Таким образом, и учение супралапсариев представляет не больше трудностей, чем другие учения [16]. К этому и должно сводиться, по моему убеждению, мнение св. Августина и других писателей, что корень заключается в небытии, т. е. в лишенности или ограниченности созданий, которую Бог благодатно исправляет той мерою совершенства, которую ему благоугодно дать. Эта благодать Бога, обычна

или чрезвычайная, имеет свои степени и меры. Она всегда бывает сама по себе действительна для того, чтобы произвести соответствующий результат, и, кроме того, она всегда бывает достаточно не только для того, чтобы предохранить нас от греха, но и чтобы осуществить наше спасение, учитывая, что и человек присоединяется к этому тем, что от него; но она не всегда бывает достаточно для того, чтобы преодолеть наклонности человека (ибо иначе человек ни к чему бы не склонялся), и последнее предоставлено лишь абсолютно действительной благодати, которая всегда бывает победоносной сама ли по себе или в силу благоприятного стечения обстоятельств.

31. Наконец, дары благодати Божьей суть чистые дары, на которые создания не могут изъяслять никаких притязаний. Однако, как, с одной стороны, недостаточно для объяснения выбора, сделанного Богом при распределении этих даров, прибегать к абсолютному или условному предвидению будущих действий людей, так, с другой стороны, не следует воображать себе какие-то безусловные решения, не имеющие никакого разумного мотива. Что касается предвидимых добрых дел и веры, то совершенно истинно, что Бог избрал лишь тех, чьи веру и милосердие он предвидел, но здесь возвращается тот же самый вопрос. зачем бы Богу сообщать благодать веры и добрых дел одним предпочтительно перед другими? А что касается того Божеского знания, которое состоит в предвидении не веры и добрых дел, а их материи и предрасположения к ним или того, что человек со своей стороны привнесет к ним (ибо действительно существует различие со стороны людей там. где есть различие со стороны благодати, и человек, хотя и нуждается в обращении и в возбуждении к благу, должен сам потом действовать в этом 'направлении'), то многие думают,

будто Бог, видя, что бы сделал человек без благодати или чрезвычайного содействия или по крайней мере что окажется с его стороны независимо от благодати, мог бы решить сообщить благодать тем, чье естественное предрасположение будет наилучшим или по крайней мере наименее несовершенным или наименее дурным. Но ведь в таком случае можно будет сказать, что эти естественные предрасположения, поскольку они хороши, суть все-таки действие благодати, хотя и обычной, так как Бог отдал одним предпочтение перед другими; а так как он хорошо знает, что те естественные преимущества, которые он дает, послужат мотивом к чрезвычайной благодати или содей-

ствию, согласно этому учению, то не сведется ли все в конце концов целиком к Божескому милосердию? Поэтому я думаю (так как мы не знаем, в какой мере или каким образом Бог взирает на естественные предрасположения при распределении благодати), что самым точным и надежным будет сказать, согласно нашим началам и как я уже замечал ранее, что необходимо, чтобы среди возможных существ находилась личность Петра или Иоанна, понятие или идея которого заключают целый ряд обычных и чрезвычайных благодатей и все остальные события со всею совокупностью их обстоятельств, и что Богу благоугодно было выбрать для действительного существования именно эту личность из бесконечного множества других одинаково возможных; после этого для вопросов, кажется, не остается уже места и все затруднения исчезают. Ибо что касается единственного и самого важного вопроса – почему Богу благоугодно было выбрать именно эту личность среди столь многих возможных, то нужно быть довольно неразумным, чтобы не удовлетвориться теми общими основаниями, которые я указал; в подробностях же это нам недоступно. Таким образом, вместо того чтобы прибегать к абсолютному решению, которое, будучи безосновательным, неразумно, или к другим основаниям, которые нисколько не решают окончательно вопроса, а требуют еще других и других оснований, самым лучшим будет сказать, согласно св. Павлу, что для этого есть много оснований мудрости или целесообразности, неизвестных смертным и основывающихся на общем порядке, цель которого состоит в наибольшем совершенстве мира; им то и следовал Бог. К этому и сводятся все побудительные причины славы Божьей и проявления его справедливости, его милосердия и вообще его совершенств и, наконец, та бесконечная глубина богатств Его, которыми восхищался дух того же св. Павла.

32. Впрочем, как кажется, те размышления, которые мы изложили, а в особенности великое начало совершенства действий Божьих, а также и понятие субстанции, заключающей в себе все свои явления со всеми их обстоятельствами, не только не вредят религии, но, напротив, более всякой другой известной до сих пор гипотезы способствуют тому, чтобы подкрепить религию, разъяснить некоторые весьма серьезные затруднения, возжечь в людях любовь к Богу и возвысить дух к познанию бестелесных субстанций. Ибо из нашего учения ясно видно, что все другие субстанции

зависят от Бога, как наши мысли исходят из нашей субстанции, что Бог весь во всех и что он тесно связан со всеми творениями, однако по мере их совершенства; что он один определяет их извне своим влиянием, а если действовать – значит непосредственно определять, то в этом смысле можно сказать, выражаясь метафизическим языком, что Бог один действует на меня и один может мне причинить благо или зло и что другие субстанции вносят свою долю участия лишь в основание этих определений. в силу того что Бог, взирая на все субстанции, разделяет между ними дары своей благодати и принуждает их приспособляться друг к другу. Точно так же один Бог производит связь, или сообщение, субстанций, и через него явления одних встречаются и согласуются с явлениями других, через него, следовательно, и реальность наших восприятия. Но на практике действие обыкновенно приписывается частным основаниям в том смысле, как я объяснил выше, ибо нет нужды всегда упоминать о всеобщей причине, когда дело идет о частных случаях. Ясно также, что всякая субстанция обладает полной спонтанностью (которая у разумных субстанций становится свободой), что все происходящее с ней есть следствие ее идеи, или ее существа, и ничто не определяет ее, кроме одного Бога. Потому-то одна особа весьма возвышенного ума, благочестивая жизнь которой приобрела всеобщее уважение, имела обыкновение говорить, что душа часто должна мыслить так, как будто бы во всем мире нет ничего, кроме нее и Бога [17] и ничто не заставляет так убедительно признать бессмертие. как эта независимость и этот объем души, которые ставят ее абсолютно вне всякого влияния внешних вещей. ибо она одна составляет весь свой мир и довлеет себе вместе с Богом; и для нее так же

невозможно погибнуть без уничтожения, как невозможно миру (которого она есть живое, и непрерывное выражение) разрушиться самому собой; невозможно также, чтобы изменения той протяженной массы, которая называется нашим телом, могли оказать какое-нибудь влияние на душу и чтобы распадение этого тела могло разрушить то, что неделимо.

33. Отсюда вытекает и разъяснение той великой тайны соединения души и тела, т. е. того, каким образом происходит, что страдания и действия одного сопровождаются действиями и страданиями или вообще соответственными явлениями в другом. Ибо нет никакой возможности представить, каким образом одно может оказывать влияние

на Другое, и неразумно прямо прибегать к необычному (*extraordinaire*) действию всеобщей причины в обычной (*ordinaire*) и частной вещи

Вот истинное объяснение этого: мы сказали, что все происходящее с душой и с каждой субстанцией есть следствие ее понятия и, значит, в самой идее, или сущности, души заключается то, что все ее явления или восприятия должны рождаться в ней из ее собственной природы и так, что они сами собою соответствуют тому, что происходит во всем универсуме, но способом более своеобразным и более совершенным, нежели тот, каким это происходит в теле, связанном с ней, ибо душа выражает универсум лишь некоторым образом и на некоторое время, смотря по отношению других тел к ее телу. Отсюда ясно также, каким образом наше тело принадлежит нам, не будучи, однако, связано с нашей сущностью. И я думаю, что люди, умеющие размышлять, составят себе выгодное мнение о наших принципах именно потому, что из них они легко увидят, в чем состоит связь между душой и телом, кажущаяся необъяснимой всяким другим способом. Понятно также, что восприятия наших чувств даже тогда, когда они бывают ясны, необходимо должны заключать в себе некоторое смутное чувствование: так как все тела в универсуме, так сказать, сочувствуют друг другу (*sympathisent*), то и наше тело получает впечатления о всех других, и, хотя наши чувства соотносятся со всеми другими, душа наша не может обращать внимание на каждую из них в частности, поэтому-то наши смутные чувствования суть результат разнообразия восприятия поистине бесконечного. Это почти так же, как от массы отголосков бесчисленных волн происходит смутный гуд, который слышат те, кто подходит к морскому берегу. Но если из нескольких восприятий (которые не могут сойтись в одно) нет ни одного, которое бы возобладавало над другими, и если они производят впечатления, почти одинаково сильные или одинаково способные подействовать на внимание нашей души, то она может осознать их лишь сметным образом.

34. Предполагая, что тела, составляющие нечто единое само в себе (*unum per se*), подобно человеку, суть субстанции и имеют субстанциальные формы и что животные имеют души, мы принуждены будем признать, что эти души и субстанциальные формы не могут совершенно уничтожаться, так же как атомы или последние части

==

материи, по мнению других философов, ибо никакая субстанция не уничтожается, хотя она может сделаться совершенно иною. Они также выражают весь универсум, хотя и менее совершенным образом, чем духи. Но главное их отличие состоит в том, что они не знают, что они такое и что они делают, и, следовательно, не обладая способностью размышления, они не в состоянии открывать всеобщие и необходимые истины. Из-за отсутствия же способности размышлять о самих себе они не имеют нравственного характера; и так как они проходят через тысячи превращений (приблизительно вроде того, как гусеница превращается в бабочку), то с нравственной или практической точки зрения это то же самое, как если бы мы сказали, что они погибают; да это можно будет сказать и с физической точки зрения, подобно тому как мы говорим, что тела погибают путем их разрушения. Но разумная душа (*Gauche intelligente*), знающая, что она такое, и могущая сказать <я> (а это слово говорит очень многое), сохраняет свое существование не только - хотя и в большей степени, чем прочие, - в метафизическом отношении, но остается одною и тою же в нравственном смысле и составляет тождественную личность. Ибо ведь память, или сознание этого <я>, делает ее способной к награде и наказанию. И бессмертие, которое требуется в нравственности и религии, состоит не в одном лишь постоянном существовании, свойственном всем субстанциям, ибо без воспоминания о том, что мы были, бессмертие не имело бы ничего привлекательного.

Представим себе, что какой-нибудь человек вдруг сделался бы китайским императором, но при этом бы позабыл, чем он был прежде, как будто бы он заново родился. Не то же ли было бы это в практическом отношении и с точки зрения тех последствий, которые можно сознать, как если бы этот человек уничтожился, а на его место в тот же момент был сотворен китайский император? Желать этого наш человек не имел бы никакого основания.

35. Но чтобы из естественных оснований вывести заключение, что Бог всегда будет сохранять не только нашу субстанцию, но и нашу личность, т. е. память и сознание о том, что мы такое (хотя отчетливое осознание этого иногда приостанавливается во время сна и обмороков) нужно нравственное учение сочетать с метафизикой, т. е. на Бога нужно смотреть не только как на начало и причину всех субстанций и всех существ, но и как на главу всех личностей, или одаренных разумом субстанций, и как на

абсолютного монарха совершеннейшей общины (cité) или государства (republique). которое представляет собой универсум, состоящий из всех духов в совокупности, причем Бог есть столько же наиболее совершенный из всех духов, сколько и величайшее из всех существ. Ибо. конечно, духи суть существа самые совершенные и наилучшим образом выражающие Божество. А так как вся природа, цель. сила и деятельность субстанций состоят лишь в том, чтобы выражать Бога и универсум (как уже было достаточно объяснено), то не может быть никакого сомнения, что субстанции, которые выражают их с сознанием того, что делают, и способные познавать великие истины о Боге и универсуме, выражают их без всякого сравнения лучше, чем натуры грубые, или неспособные к познанию истины, или совершенно лишены чувства и познания; и различие между разумными и не обладающими разумом субстанциями столь же велико, как между зеркалом и существом, одаренным зрением. А так как сам Бог есть величайший и мудрейший из духов, то легко понять, что те существа, с которыми он может, так сказать, вступать в сношения и даже в общение, открывая им свои чувства и желания особым образом, так что они могут познавать и любить своего благодетеля, должны интересоваться его бесконечно более остальных вещей, которые могут считаться лишь орудиями духов; так, мы видим, что мудрые люди бесконечно более ценят человека, чем какую-либо другую вещь, как бы ни была она драгоценна. И кажется, наибольшее удовлетворение, которое может иметь душа. вообще уже довольная, состоит в том, чтобы видеть себя любимую другими, хотя по отношению к Богу здесь существует то отличие, что его слава и наше почитание ничего не могут прибавить к Его удовлетворению, так как познание творений есть лишь следствие Его суверенного и совершенного блаженства и не составляет хотя бы части причины последнего. Тем не менее то, что хорошо и совершенно в конечных духах, в превосходной степени находится и в нем, и, подобно тому как мы отнесли бы с похвалой к царю, который предпочел бы сохранить жизнь скорее человека, чем самого драгоценного и редкого животного, точно так же не должны мы сомневаться в том, что такого же образа мыслей держится и самый просвещенный и справедливый из всех монархов.

36. Действительно, духи суть субстанции наиболее способные к совершенствованию, и их совершенства имеют

ту особенность. что они наименее мешают одно другому, скорее они взаимно способствуют друг другу, ибо лишь самые добродетельные могут быть самыми совершенными друзьями, откуда очевидно следует, что Бог вообще, всегда идущий все к большему совершенству, будет более всего заботиться о духах и даст им не только всем вместе, но и каждому в отдельности наибольшую степень совершенства, какую только допускает всеобщая гармония. Можно даже сказать, что Бог, поскольку он есть Дух, есть начало существования, иначе, если бы у него не было воли выбрать наилучшее, то не было бы никакого основания для того, чтобы одно возможное имело существование предпочтительно перед другими. Таким образом, то свойство Бога. что он сам есть Дух, предшествует всем суждениям, какие он может иметь относительно своих творений; одни духи созданы по его образу и подобию, они одни, так сказать, из его рода и его дети и наследники, ибо они одни могут свободно служить ему и действовать с сознанием, подражая божественной природе; один дух стоит всего мира, ибо он не только выражает его, но и познает его, и управляется в нем наподобие Бога. Так что можно, пожалуй, думать, что хотя всякая субстанция выражает весь универсум, тем не менее другие субстанции выражают скорее мир, чем Бога, а духи выражают скорее Бога. чем мир. И эта столь

Лейбниц Г. Рассуждения о метафизике filosoff.org

благородная природа духов, приближающая их к Богу, насколько это возможно для простых творений, ведет к тому, что Бог извлекает из них бесконечно более славы чем из остальных существ, или, лучше сказать, что другие существа дают духам лишь материал для прославления Бога. Потому то это нравственное свойство Бога, делающее его государем или монархом духов, так сказать, лично касается его совершенно особенным образом. В этом смысле он уподобляется человеку, этим он входит с нами в общение, как государь со своими подданными; и эта сторона таи дорога ему, что счастливое и цветущее состояние его государства, состоящее в величайшем, какое только возможно, блаженстве его обитателей, становится высшим из его законов. Ибо счастье для личности то же, что совершенство для существ вообще. И если первый принцип существования физического мира состоит в решении Бога дать ему наиболее возможное совершенство, то первая цель мира нравственного, или града Божия, составляющего благороднейшую часть универсума, должна заключаться в том, чтобы распространить в нем наиболее блаженства,

сколько окажется возможным. Поэтому не следует сомневаться, что Бог устроил все так, чтобы души не только могли вечно жить – что непременно совершится, но и сохранили навсегда свое нравственное свойство для того, чтобы царство его не теряло ни одной личности, как мир не теряет и одной субстанции. Следовательно, души всегда будут сознавать, что они такое, иначе они не подлежали бы награде и наказанию, а ведь это составляет существенный признак государства, особенно совершенного, где ничто не может оставаться в небрежении. Наконец, так как Бог в одно и то же время самый справедливый и самый милостивый из монархов и требует только одной доброй воли, лишь бы она была искренняя и серьезная, то подданные его не могут и желать лучшего положения, чтобы сделать их совершенно счастливыми. Он хочет лишь, чтобы его любили.

37. Древние философы слишком мало знали эти важные истины. Один Иисус Христос выразил их божественно хорошо и так ясно и просто, что они стали понятны даже самым грубым умам. Евангелие его совершенно изменило вид дел человеческих. Он показал нам Царство небесное, или то совершенное Государство духов, которое заслуживает названия Града Божия, его удивительные законы Он открыл нам. Он один показал нам, как Бог любит нас и с какою тщательностью Он позаботился обо всем, что нас касается; что, заботясь о птицах. Он не пренебрежет разумными созданиями, которые бесконечно для него дороже; что все волосы на голове нашей сочтены; что скорее небо и земля погибнут, чем слово Божие и чем изменится то, что входит в существо нашего спасения; что Бог более взирает на самую малую из разумных душ, чем на всю машину мира; что мы не должны бояться тех, кто может погубить наше тело, но не в состоянии повредить нашей душе. ибо один Бог может сделать ее счастливой или несчастной, что души праведников находятся в руке Божьей и защищены от всех переворотов во вселенной, ибо ничто, кроме одного Бога, не может на них действовать; что ни один из наших поступков не забывается, что все будет поставлено в счет до праздных слов и до ложки воды, хорошо употребленной; наконец, что все должно происходить к величайшему благу добрых; что праведники будут точно светила и что ни наши чувства, ни дух наш ничего не испытали подобного тому блаженству, которое Бог готовит тем, кто любит его.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!